

Лопатин, Федоров, затем, конечно, весь русский ренессанс) и оценивая себя в качестве активно-го его элемента не только при рождении своем, но и по обстоятельствам всего своего существования, не *гносеологична*, а, пользуясь выражением автора, *смыслосложивенна* или, быть может, лучше – *аксиологична*. Это заводило ее в тупик скорых решений – материализма, позитивизма, народничества, большевизма, революции. Взятая в целом, в единстве своих полярных проявлений – от изоцирковой мистики до сталинской шестой главы в «Истории ВКП(б)», – она сама есть воплощение антиномического моно-дуализма. А нельзя ли предположить, что определение философии у С.Л. Франка было навеяно картинами русского сознания? Определенно, если в нашей неклассической философии искать «классическое», то лишь понимая последнее оценочно – как образцовое или, как сказано автором, «интересно представленное».

В книге множество замечательных эпизодов. Зимой 1901/1902 г. в Крыму С.Л. Франк встречается с А.А. Бакуниным. Молодой мыслитель готовит свою статью в сборник «Проблемы идеализма», который начал последний период развития русской философии. История нашей мысли двигалась к концу, и Франк представлял это движение, а его знакомый лично знал Чаадаева, Белинского, Герцена, Тургенева (с. 78), он – участник ее начала. Франк глубоко впечатлен этой встречей, в которой было что-то символическое – не только возвращение русского идеализма к своим истокам, но и кратковременность жизни русской философии. Другим таким эпизодом является заключительная часть книги, которая озаглавлена «Ицхак, или Божий смех». Теперь последователь Франка растолковывает читателю, который знаком с названным библейским сюжетом, конечный замысел его философии. Имя Исаак (Ицхак) переводится как «Бог да воссмеется» в значении «Да взглянет милостиво». Сарра не верила, что у нее родится сын, но он родился. Люди знают о неумолимых законах природы и подчинились им, сулящим только отчаяние и смерть, – Франк

за необходимостью прозревает Его: «Человеческое существование не может быть построено на одном трагизме и отчаянии, страхе и трепете. Смех (Ицхак. – А.Е) – это свет в конце туннеля, выход из безысходности, чудо воскрешения из небытия. Он спасает от необходимости всегда следовать необходимости, от обязанности всегда повиноваться долгу. Смех сродни стихии свободы и в этом смысле всегда возвращает человека в догреховное, богоподобное состояние – в состояние детства, в котором принимается Царствие Божие» (с. 710). Вот он, замысел философии С.Л. Франка, который в пояснении Г.Е. Аляева предстает в следующем упрощенном виде: философия – это сознательное усмотрение «как бы общей картины бытия», «общего фона», непременно в нас присутствующего, но «ускользающего от обыденного взора». А вот религия – просто практика жизни этого «общего фона» (см. с. 43–44).

Оставляя в стороне мои полемические remarks, хочу подчеркнуть: книгу Г.Е. Аляева, вдохновленного С.Л. Франком, нужно высоко оценить не только потому, что автор адекватно передал образ философии, представшей перед его героем. Эта книга приглашает читателя вновь обратиться к природе загадочного феномена нашей культуры – философии, которая давно стала выражением русского существования.

А.А. Ермичёв

Ермичёв Александр Александрович – Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, 191011, набережная реки Фонтанки, д. 15.

Доктор философских наук, профессор.
7723516@gmail.com

Ermichyov Aleksandr A. – Russian Christian Academy of Humanities, 15, embankment of the Fontanka River, St. Petersburg, 191011, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-217-220

Джеймс Д. УАЙТ. **Маркс и Россия: судьба доктрины.** Лондон: Блумсбери Академик, 2018. 240 с.

James D. WHITE. **Marx and Russia: The Fate of a Doctrine.** London: Bloomsbury Academic, 2018. 240 p.

Почетный профессор Университета Глазго, проработавший там добрых полстолетия, Джеймс Д. Уайт – автор нескольких монографий о ранней истории марксистской мысли. В рецензируемой книге им ставится амбициозная задача «изобразить развитие марксистских идей в России как континуальный нарратив» (р. vi), начиная с проникновения этих

идей в Россию и заканчивая сталинским «Кратким курсом» 1938 г.

В предисловии Уайт сравнивает книгу с классическими трудами Лешек Колаковского («Главные течения марксизма», трехтомник 1974 г.) и Густава Веттера («Диалектический материализм», 1964 г.). Преимуществами своей работы Уайт считает то, что она, во-первых,

включает более широкий круг предметов – философских, экономических, политических, историографических и т.д., – и, во-вторых, возвращает из забвения ряд мыслителей, бывших в свое время ключевыми фигурами в русском марксизме (pp. vi–vii). Продолжая сравнение, я бы добавил, что по объему монография Уайта гораздо меньше, чем тома Колаковского и Веттера. На холсте столь скромного формата можно в лучшем случае набросать эскиз развития марксистских идей в России.

Уайт известен ревизиями устоявшихся оценок и трактовок в этой области без посещения российских архивов. Особую симпатию он питает к Александру Богданову. Его книга о «красном Гамлете» Богданове (Red Hamlet: the Life and Ideas of Alexander Bogdanov) также вышла в 2018 г.; по объему она превосходит том «Маркс и Россия» более чем вдвое. «Богданов был самым оригинальным мыслителем русской революционной эпохи», – категорично заявляет Уайт (p. vii). Богданов пытался создать новую научную философию, скрестив Маркса с Махом. В начале прошлого века такая селекция была весьма модным занятием. Плеханов и его последователи, включая Ленина, противопоставили этой моде материализм старой закалки, почерпнутый у Энгельса и французских сенсуалистов XVIII в.

Начинается книга Уайта с объяснения причины, заставившей Маркса приступить к интенсивным исследованиям положения дел в России 1870-х. Обычно это связывают с надеждами Маркса на скорую русскую революцию и успехом первого тома «Капитала» в среде русских народников. Уайт же объясняет это тем, что работа над вторым томом книги зашла в тупик. «Маркс описывал структуру капиталистической системы по аналогии с планом гегелевской “Науки Логики”» (p. 2). Суровая реальность, однако, воспротивилась диалектическим схемам. Камнем преткновения стала сельская община, которая сумела выжить и в капиталистическом окружении, равно как и в других общественно-экономических формациях. Община явилась фактическим опровержением концепции капитализма как «универсальной» системы, пришедшей на смену всем прежним формам экономической организации. «Именно в связи с исследованиями обращения капитала [во втором томе] и воздействием его на традиционные аграрные общины Маркс вплотную занялся русской темой» (p. 4). Факт успешного выживания общины не только в России, но и в его родных краях, близ Трира, так сильно потряс Маркса, что он разуверился в гегелевской диалектике и, как следствие, утерял веру в возможность выполнить намеченный план «Капитала». «Если экономическая теория оказалась ложной, значит ее гегельянская структура больше не пригодна» (p. 3). Вся эта оригинальная трактовка покоится

у Уайта на одной-единственной цитате из письма Маркса Энгельсу от 25 марта 1868 г., где говорится о происхождении категорий общего и частного из общинной и частной собственности у германцев. Русская община в письме ни словом не упоминается. Примерно столь же веское подкрепление получают в книге Уайта и прочие его смелые ревизии.

Кто-то стал бы возражать, что Маркс всего за два года до смерти в письмах к Вере Засулич предрекал неминуемую гибель русской общины в «кавдинских ущельях капитализма», если только коммунистическая революция не успеет ее спасти. Другой напомнил бы, что в том же марте 1868 г. в письмах Л. Кугельману и И. Дицгелю в Петербург Маркс утверждал, что у Гегеля уже имеются «истинные законы диалектики», видел свою заслугу в «освобождении их от мистической формы» и мечтал написать *Диалектику*, когда ему удастся сбросить с себя «экономическое бремя». Я уверен, что Уайту всё это хорошо известно и без напоминаний. Просто он не считает себя обязанным реагировать на факты, идущие вразрез с его интерпретацией. На протяжении всей своей книги Уайт демонстрирует точно такое же «селективное» обращение с фактами и ту же необременительную манеру аргументации.

Вторая глава посвящена русским «научным друзьям» Маркса – Николаю Зиберу, Максиму Ковалевскому и Вере Засулич. Далее следуют главы об Энгельсе, Плеханове, Ленине, Богданове, Троцком, «Теории империализма», «Марксизме и революции» и, наконец, самая объемная глава «На пути к “Краткому курсу”»: от Бухарина, Покровского и других, через Митина со товарищи – до «корифея всех наук». Уайт уделяет внимание главным образом политическим и экономическим течениям в русском марксизме. Философия «диалектического материализма» его почти не интересует – в этом еще одно отличие от работ Колаковского и Веттера. Ни слова не сказано даже о смертной битве «диалектиков» с «механистами», в которой принял участие и фаворит Уайта Александр Богданов (на стороне «механистов», разумеется).

Ленинский философский *opus magnum* «Материализм и эмпириокритицизм» удостоился двух с половиной страниц. Уайт утверждает, что главная задача этой книги – «защитить Плеханова от атак Богданова и его соратников в сборнике “Очерки по философии марксизма” 1908 г... Ленин, однако, никогда не формулировал такую цель явным образом, и на протяжении всей книги ни разу не процитировал собственные слова Плеханова» (pp. 98–99). Довольно странная стратегия защиты Плеханова, хотя Ленин учился на адвоката и знал, когда стоит давать подзащитному слово, а когда – нет. Нелишне заметить, что Плеханов был вождем политических противников Ленина, меньшевиков.

Вообще Уайт не видит ничего оригинального в философских работах Ленина, соглашаясь с оценкой Богданова: это – образчик «авторитарного мышления» или, попросту говоря, догматизм.

Возможно, «Материализм и эмпириокритицизм» и не заслуживает особого внимания с точки зрения философской глубины, но я бы отметил его *новаторский стиль полемики*. Отношение материи и сознания, причинность, свобода и тому подобные метафизические сюжеты обсуждаются шершаво-пламенным языком карбонария. Лексика Ильича шокировала даже его сестру Анну и философскую союзницу Любовь Аксельрод (первая делала корректуру книги, вычеркнув самые колоритные фигуры речи; вторая написала рецензию). В галерее философской классики «Материализм и эмпириокритицизм» смотрится как «Фонтан» Дюшана в музее искусств. Но если тот артефакт свершил эстетическую революцию и обрел мировую славу, то памфлет Ленина мало-помалу погружается в забвение. А ведь он служил образцом современной марксистской мысли, формируя «континуальный нарратив» советского (и не только) марксизма вплоть до распада СССР.

В заключение хотелось бы отметить превосходный литературный стиль книги Уайта.

В этом плане она действительно достойна стоять на одной полке с классическими трудами по истории марксистской мысли.

А.Д. Майданский (Белгород)

Майданский Андрей Дмитриевич – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85; Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ассоциированный научный сотрудник Института философии РАН.

amaid@rambler.ru

Maidansky Andrey D. – Belgorod National Research University, 25, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Belgorod National Research University, Research Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-220-222